

A painting of a man's head and hand in a greenish, textured background. The man's head is shown in profile, looking down, with his hand resting near his chin. The background is a mottled green with visible brushstrokes and textures.

Збигнев Херберт

Господин
КОГИТО
и другие

Bibliotheca Polonica

Збигнев Херберт

Господин Когито и другие

«Алетейя»

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)6-5

Херберт З.

Господин Когито и другие / З. Херберт — «Алетейя»,
— (Bibliotheca Polonica)

ISBN 978-5-89329-714-0

Збигнев Херберт (1924–1998) – выдающийся польский поэт, автор девяти книг стихов, книг эссе, нескольких пьес. Лауреат многих зарубежных и международных премий. Херберт – интеллектуальный поэт, получивший тем не менее популярность у широкого читателя. Избранные стихотворения Херберта изданы на 16 языках в странах Европы и в США; на многих языках изданы его поэтические книги «Господин Когито» и «Рапорт из осажденного города». В одном из университетов США издавался журнал «Mr Cogito». Публикуемые переводы печатались в журналах «Иностранная литература» (1973, 1990, 1998, 2001), «Феникс-XX» (1993), «Арион» (1995), «Новый мир» (1995), «Новая Польша» (1999), в антологии Е. Витковского «Строфы века – 2. Антология мировой поэзии в русских переводах XX века» (1998) и в антологии Н. Астафьевой и В. Британишского «Польские поэты XX века» (СПб.: Алетейя, 2000). Большая часть переводов печатается впервые. Владимир Британишский – поэт и прозаик, автор многих статей о польской литературе, переводит польских, американских и английских поэтов. В книге используются несколько рисунков Збигнева Херберта и фотографии из личного архива.

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)6-5

ISBN 978-5-89329-714-0

© Херберт З.

© Алтейя

Содержание

От переводчика	7
Четырежды Херберт	9
1. Поэтические книги 50-х и 60-х годов	9
2. Поэтические книги 70-х и 80-х годов	12
3. «Рапорт из осажденного города», «Элегия на уход», «Ровиго»	16
4. Прощаясь с Хербертом – возвращаясь к Херберту	19
Стихотворения	26
Из книги «Струна света»	26
* * *	26
Красная туча	27
Надпись[2]	28
Мой отец[3]	28
Из цикла «О Трое»	29
К Марку Аврелию	30
Варшавское кладбище	31
Завещание	31
Фрагмент древнегреческой вазы	32
Колеблющаяся Нике	33
Арион	35
Из книги «Гермес, пес и звезда»	37
У врат долины[7]	37
Притча	38
Колотушка	39
Избранники звезд	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Збигнев Херберт

Господин Когито и другие стихотворения

Zbigniew Herbert
Cogito i inni Wiersze

© Copyright by Katarzyna Herbert, Halina Herbert-Żebrowska
© В. Л. Британишский, пер. на русск. яз., предисловие, примечания, 2004
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2004

От переводчика

Польских поэтов я перевожу почти сорок лет. Больше всего я перевел Херберта, раньше всего им занялся и чаще всего к нему возвращался.

В Польше я побывал впервые в 1963 году. Мы с Натальей Астафьевой привезли тогда в Москву ценный трофей: несколько десятков книжек современных польских поэтов – начало и ядро нашей домашней библиотеки польской поэзии. Были среди них и две книги стихов Херберта: третья – «Исследование предмета», вышедшая незадолго перед тем, в 1961-м, и вторая – «Гермес, пес и звезда», вышедшая в 1957-м и уже ставшая редкостью. А первая книга стихов Херберта – «Струна света» (1956) нашлась в московских библиотеках. В 1964-м в московском книжном магазине «Дружба» удалось купить второе издание книги очерков Херберта о его путешествиях по городам, музеям и руинам Италии и Франции – «Варвар в саду». Судьба распорядилась так, что в том же самом 1964-м я на два месяца попал во Львов, проникся очарованием этого города, где родился и вырос Херберт. Это в огромной степени помогло мне потом вживаться в Херберта.

Следующая, четвертая книга стихов Херберта – «Надпись» – вышла лишь в 1969-м, Херберт в 60-х годах подолгу жил за границей, но имя его в польских литературных журналах и еженедельниках не сходило со страниц по разным поводам, в частности, по поводу тогдашней дискуссии о современном классицизме: главным козырем сторонников классицизма было именно творчество Херберта. Сам Херберт в подобных дискуссиях не высказывался, но названия его стихотворений, цитаты из них были в ходу. В России в 60-х годах возрождается интерес к античности, издаются, наконец, книги А. Ф. Лосева, одна из его книг – монография о Зевсе и Аполлоне – сразу же привлекла мое внимание; Аполлон у Лосева был дан диалектически, в развитии от архаического божества убийства и смерти к классическому божеству искусства и поэзии; таков двуединый Аполлон и в античной поэзии Херберта. Именно «античный» Херберт и заинтересовал меня поначалу. Но также – Вторая мировая война, годы оккупации и Сопротивления. Вскоре, однако, я поддался очарованию самой интонации Херберта, его личности, и мне он был интересен и дорог уже весь.

Переводить его я начал летом 1966-го. Первая большая публикация появилась в «Иностранной литературе» в 1973-м, годом позже в «Литературном обозрении» был напечатан мой тетраптих о четырех польских поэтах – Ружевич, Херберт, Шимборская, Свиричиньская, – обе эти публикации я послал Херберту, послал ему и московский томик другого польского поэта из Львова, другого классика, Леопольда Стаффа, вышедший только что с моим предисловием, – Херберт живо откликнулся, так началось наше заочное знакомство.

Возможности дальнейших публикаций в Москве вскоре прекратились надолго, Херберт попал у нас в долгую опалу. Следующая публикация появилась – в «Иностранной литературе» – в 1990-м. Но Хербертом я продолжал заниматься, следил за его книгами и публикациями в Польше и вне Польши. В 1974-м он прислал мне варшавский томик «Господин Когито», а «Рапорт из осажденного города» поначалу у меня был в виде плохо читаемой самиздатской варшавской книжечки, пока Херберт не прислал мне из Парижа ксерокопию парижского издания 1983 года. В Варшаву Херберты вернулись окончательно в 1992-м. В 1994-м, в начале года и осенью, были две встречи с Хербертом, уже тяжелобольным, дома у Хербертов. Было еще несколько весточек от него. А осенью 1998-го, приехав в Варшаву на несколько дней, я мог прийти уже – с Катажиной Херберт, вдовой поэта, – лишь на свежую могилу на кладбище Старые Повонзки.

Здесь переводы разных лет, с 1966-го по 2004-й.

В качестве вступления в книгу я решил напечатать – подряд, друг за другом, – четыре предисловия к публикациям в журнале «Иностранная литература» (1973, 1990, 1998, 2001).

Именно этот журнал в 1973-м (а в те времена тираж журнала достигал 600 тысяч) открыл Херберта русским читателям, позже, в 1990-м, при первой же возможности, журнал предоставил снова свои страницы для стихов – любившегося и редакции – поэта. Эти четыре предисловия, как я теперь вижу, естественным образом суммируются. Они дают – заодно – и историю «русского Херберта», Херберта по-русски. Три других моих текста разных лет о Херберте я даю в приложении.

В примечаниях к книге и в краткой хронике жизни и творчества Херберта учтены те издания и журнальные публикации переписки Херберта, те монографии и сборники статей о нем, которые вышли в Варшаве за последние годы (1999–2002).

Четырежды Херберт

1. Поэтические книги 50-х и 60-х годов

Задумываясь над причинами столь устойчивого в течение многих лет и столь единодушного признания, сопутствующего творчеству Збигнева Херберта, поэт и критик З. Беньковский размышлял недавно в газете «Культура» (№ 9, 1972): «Херберт не двинул, как это говорят, вперед средства поэтического выражения. Он не экспериментировал ни со словом, ни с образом, ни с «антисловом» или «антиобразом». Он не открыл и не закрыл эпоху в поэзии. Он был и есть посреди: посреди поэтов, посреди людей, посреди забот сегодняшнего мира. Настолько посреди, насколько это возможно. И здесь-то, мне думается, секрет его привлекательности, его масштаба, его славы». Статья З. Беньковского так и называется – «Посреди жизни».

Буквально в те же дни другая польская газета «Политика» (№ 9, 1972) предоставила целую страницу для интервью с самим Хербертом. «Есть писатели, – сказал Херберт в этом интервью, – которые служат чистому искусству. Я им несколько не завидую, я даже испытываю некоторое отвращение к такой позиции. Я знаю, что значит ад эстетов, ад людей, оторванных от действительности».

Самому Збигневу Херберту (род. в 1924) не приходилось жить в отрыве от действительности. Польская действительность военных лет, с ее трагизмом и героизмом, составляла содержание юности Херберта. Даже учиться в годы оккупации означало для молодого поляка идти на постоянный риск: Херберт, как многие его сверстники, получил аттестат зрелости на тайных курсах и начал изучать филологию в тайном университете. Но главным экзаменом для его поколения было участие в Соппротивлении.

*...записка
«Предупредите Войтека
явка на улице Длугой
провалилась»*

Эта маленькая деталь вырастает сейчас до значения символа тех лет, но тогда она была повседневностью. После войны Херберт – студент, затем служащий Польского банка, инженер-экономист в проектно бюро торфяной промышленности, где он занимался проектированием спецодежды для рабочих. В биографии Херберта нет исключительности, да и сам Херберт, кстати, добродушно посмеивается, например, в стихотворении «Притча», над претензиями поэтов на какую-либо исключительность по сравнению с остальными людьми; исключительны, по мнению Херберта, лишь обязанности поэта.

Разумеется, жизнь – жизнь самого поэта, его друзей, его сверстников, его соотечественников – лишь материал искусства, между жизнью и ее воплощением в искусстве всегда стоят труд и мастерство художника. Тем более когда речь идет об искусстве Херберта, поэзия которого, при всей ее простоте и общечеловечности, весьма далека от поэзии «голового факта» (наоборот, факты иной раз одеты у него в античные костюмы).

В предисловии к книге очерков о поездках по городам, музеям и древним руинам Италии и Франции («Варвар в саду», Варшава, 1964) Херберт пишет, что в искусстве старых мастеров его интересовала «связь с историей», но также «техническая структура (как именно положен камень на камень в готическом соборе)». И если мы порой не замечаем, как сложены стены старых соборов, как сложены строки и строфы белых стихов и верлибров Херберта (его верлибры сохраняют строфическую структуру), так это лишь потому, что мастерство в произве-

дениях настоящих мастеров ненавязчиво и незаметно. Но оно присутствует, оно необходимо, а дается оно нелегко и не сразу.

Прочтя две тысячи опусов начинающих авторов, присланных в адрес жюри конкурса на лучшее стихотворение в дни Варшавской поэтической осени 1972 г., Херберт, председатель жюри, отметил отдельные интересные стихи, но добавил с улыбкой: «Некоторые молодые думают, что написать стихотворение – нечто очень простое, не хотят верить, что дело обстоит иначе. Мой пример 15-летнего ученичества не представляется им ни типичным, ни – тем более – привлекательным».

С выходом первой же книги стихов («Струна света», 1956) 32-летний Херберт сразу же предстал перед польскими читателями и критиками, как Афина Паллада, вышедшая из головы Зевса: в полном вооружении. Можно лишь гадать, каковы были годы «ученичества», каков был путь к первой книге поэта, первые поэтические опыты которого относятся, как нетрудно высчитать, к 16–17-летнему возрасту.

За первой книгой последовали вторая («Гермес, пес и звезда», 1957) и третья («Исследование предмета», 1961), затем «итальянское путешествие» и его итог – уже упомянутая книга очерков.

Не только в первых трех, но и в четвертой книге стихов («Надпись», 1969) Херберт возвращается к годам войны, годам гибели и мужества. В «Прологе», которым начинается эта книга, лирический герой, глядя на «закрытые окна» и «сверкающие дверные дощечки» отстроенной и давно уже благополучной и мирной Варшавы, вспоминает погибших героев Сопrotивления. Давно уже наступил мир, давно уже «медяшки пуговиц солдатских» (этой строкой Херберта назвал Ярослав Ивашкевич свою статью о военных реминисценциях в современной польской поэзии) «бренчат в коробке из-под спичек». Но по-прежнему Вислой, то есть символом Польши, Херберту видится «ров залитый водой», ему все еще вспоминаются пустыри и пожары (стихотворение «Красная туча», цикл «О Трое» и др.). «Такой пронзили нас отчизной», – восклицает автор.

При восстановлении Варшавы, прежде чем строить, приходилось разбирать развалины и даже разрушать остатки старых стен (стихотворение «Красная туча»). Нечто подобное происходило и в душе молодых участников Сопrotивления, для которых переход к «нормальной» мирной жизни был психологически нелегким. В стихотворении «Мона Лиза» Херберт показывает такое трудное возвращение своего героя к миру прекрасного, к шедеврам прошлого, к истории культуры. В Лувре «на берегу пурпурного шнура», ограждающего драгоценную картину Леонардо, на руинах древнегреческих городов, перед готическими соборами – везде, в любой стране и в любом столетии Херберт чувствует себя посланцем от своего поколения: не только от уцелевших, но и от погибших товарищей. Именно это позволяет ему показать, насколько смешон и жалок такой «классик», такой специалист по древностям, который не замечает, что прожилки в мраморе – это жилы рабов из каменоломен (стихотворение в прозе «Классик»). Именно это позволяет ему оценить отъезд Цицерона в свою усадьбу Тускулум, подальше от политических треволнений Рима, как «позорное бегство» (стихотворение «Тускулум»). Именно это позволяет ему так ярко изобразить крупным планом «пядь земли», на которой растет тамариск и на которой умирает в этот момент греческий воин (стихотворение «Тамариск»).

Античность занимает особое место во «всемирной истории» Херберта. Отчасти это объясняется классическим образованием самого Херберта (он окончил юридический факультет в Туруне и учился на философском в Варшаве). Отчасти же это связано с особенностями истории Польши, страны, где греко-римские традиции вошли в плоть и кровь польской национальной культуры, где Гомер и Гораций воспринимаются как польские поэты, где античные стихи и драмы Херберта заставляют вспоминать не только античные драмы Ст. Выспяньского, но и первую польскую драму – «Отказ греческим посланцам» Яна Кохановского, написанную по мотивам

вам «Илиады». И когда Херберт отождествляет Польшу и Варшаву с Троей (стихотворение «О Трое»), для польского читателя эта параллель подкреплена польской поэзией предшествующих полутора столетий.

Греки и Шекспир (и снова Ян Кохановский) стоят за одним из популярных в Польше стихотворений Херберта «Трен Фортинбраса». В трагедии Шекспира норвежский принц Фортинбрас появляется лишь в самом конце, под занавес, чтобы торжественно похоронить Гамлета и занять датский престол. Стихотворение Херберта – это как бы не уместившийся в рамки трагедии монолог Фортинбраса над телом Гамлета, а точнее, диалог Фортинбраса с Гамлетом, потому что Фортинбрас мысленно разговаривает и даже спорит с принцем датским. Слово «трен» происходит от греческого «тренос» – «оплакивание», а самый жанр восходит к народным плачам и причитаниям, которые в Древней Греции вряд ли особенно отличались от звучавших еще недавно в русских деревнях. В Польше этот жанр утвердился в литературе со времен знаменитых «Тренов» Кохановского, написанных на смерть дочери.

Столь же древний жанр – надписи. Их высекали на скалах, на стенах дворцов и храмов. В стихотворении Херберта «Надпись» собственно надписью (которую поэт предлагает высечь на камне) являются последние четыре строки, выделенные автором ритмически: четырехстопный ямб на фоне верлибра предыдущих строф. Начинается же стихотворение диалогом: лирический герой, утверждающий необходимость мужества и активности, спорит с проповедью пассивного, созерцательного, эпикурейского отношения к жизни.

С выходом «Собрания стихотворений» Херберта (1971) начинают стираться грани между отдельными его книгами, вся его поэзия кажется единым и монолитным архитектурным сооружением. Но это сооружение было сложено камень за камнем, книга за книгой, стих за стихом. Лучшие из этих стихов, как писал Ивашкевич в связи с изданием третьей книги Херберта, «достойны стоять рядом с высшими достижениями польской поэзии».

Поэзия Херберта издана отдельными книгами на английском, немецком, чешском и словацком языках, циклы его стихов публиковались в журналах и антологиях на венгерском, итальянском, сербо-хорватском, датском, шведском, норвежском. На немецком языке (в ГДР и ФРГ) печатались также его драмы.

(«Иностранная литература». 1973. № 2)

2. Поэтические книги 70-х и 80-х годов

Первая книга Збигнева Херберта вышла в Варшаве в 1956 году. К 1973 году, когда журнал «Иностранная литература» представил читателям десять стихотворений Херберта, он был автором четырех книг стихов, книги эссе и книги пьес. Как поэт он уже тогда был широко известен в Европе и в Америке. В последующие годы эта известность росла.

У нас же, как раз вскоре после 1973 года, Херберт оказался, в немилости и его перестали публиковать. Сам Херберт жил в те годы главным образом на Западе, лишь изредка наведываясь в свою варшавскую квартиру. (На Западе живет он и сейчас, но для справочника «International Who's Who 1988–1989» по-прежнему указывает свой варшавский адрес.)

В этой новой публикации мы представляем стихи последних двух книг Херберта, 1974 и 1983 годов, одна из них вышла в Варшаве, другая – в Париже.

Херберт в своей лирике всегда старался избегать лирических излишаний, был сдержан и скуп на автобиографические подробности. А в последних двух его книгах вместо автора вообще появляется герой, от автора отделенный и отдаленный. Но литература обязательно питается жизнью автора. Без знания биографии поэта понимание его стихов иной раз просто невозможно. Основные вехи биографии Херберта постараюсь вкратце обозначить.

Збигнев Херберт родился в 1924 году во Львове, в семье юриста. Учился здесь в классической гимназии, которая стала началом и основой его огромной эрудиции.

Началась Вторая мировая война. Аттестат зрелости Херберт получил в 1943 году на тайных курсах, поступил в тайный университет. Участвовал в польском Сопротивлении – в Армии Крайовой. В 1944 году перебрался из Львова в Краков. В Кракове короткое время учился в Академии изящных искусств, но вскоре перешел в Торговую академию, которую и окончил в 1947-м с дипломом экономиста. В 1949-м получил диплом юриста. Поселившись в 1950 году в Варшаве, учился на философском факультете университета. Одновременно работал, за десять лет (1947–1956) переменял множество профессий, учреждений и должностей, чаще всего был экономистом.

Писать стихи Херберт начал в годы войны. В 1948 году, в самом конце короткого послевоенного либерального «промежутка», он успел опубликовать три стихотворения, но от дальнейших попыток печататься отказался до 1955-го.

1956 год, «польский октябрь», резко изменил его жизнь. В области культуры перемены, которые принес «польский октябрь», были гораздо более радикальными, чем те, что принесла наша тогдашняя «оттепель». (К слову сказать, вторая книга стихов Херберта – «Гермес, пес и звезда», 1957, – спокойно прошедшая через польскую цензуру, у нас, в московских библиотеках, тридцать лет пролежала в спецхранах.) Какое-то время польской интеллигенции казалось, что и во всей общественной жизни произошло полное обновление, но постепенно стало ясно, что это не совсем так.

Как бы то ни было, с 1956 года Херберт мог позволить себе перестать служить и полностью посвятить себя литературе. Первые книги стихов получили восторженную оценку польской критики и всей литературной среды. С тех пор в оценке Херберта в Польше всегда были единодушны почти все, за исключением двух-трех «зоилов», без которых было бы скучно.

Польским читателям поэзии Херберта было близко все, о чем он пишет. Воспоминания о войне, об оккупации, о Сопротивлении. Воспоминания о только что минувшем (так казалось) «периоде ошибок и искажений».

Не требовали комментариев и его античные стихи.

Античность в поэзии Херберта оборачивалась самой что ни на есть современностью. Не потому, что он одевал современных людей в тоги и хитоны, этим он не занимался никогда. Но античная история была для него метафорой (или метонимией) всеобщей истории, он видел в

ней то самое общее, что актуально и сейчас. «Нет сомнения, – говорил когда-то наш Грановский, – что последние 60 лет европейской истории более поясняют древнюю историю, нежели все исследования филологов, устранившихся от современной жизни».

Если Херберт пишет о Троянской войне, он воспеваает не гнев Ахиллеса по поводу того, что его обделили при дележе награбленной добычи, а глухое, затаенное, растущее недовольство рядовых греческих воинов, уставших за многие годы бессмысленной и несправедливой войны на чужой территории:

*...падают старые мулы и тьма покрывает их очи
и паруса кораблей истлевают в безветренной бухте
жен своих нам не видать и горька нам любовь чужеземок
даже наплакаться досыта мы в их объятьях не можем...*

Солдаты обращаются к Аполлону:

*...каменной Трои не просим сияющей славы не просим
пленниц и прочей добычи не просим Владыка не просим
но если можешь разгладь искаженные яростью лица
в руки вложи доброту как вложил в эти руки железо
и облака облака ниспошли Аполлон облака*

Может быть, вот эта доброта, не всегда свойственная Аполлону, но свойственная самому Херберту, эта доброта и любовь к людям (несмотря на всю жестокость древности и современности) и снискали польскому поэту любовь читателей в Польше и во всем мире.

А также деликатность и ненавязчивость его мастерства, которое он старается сделать почти незаметным. Простота и доступность поэзии этого выдающегося эрудита, старающегося сделать незаметной и эту эрудицию. Удивительная доверительность интонации. Ну и, конечно, хербертовская ирония.

Книгу «Господин Когито» (1974) и многие стихотворения, написанные позже и вошедшие в следующую книгу (1983), объединяет образ Господина Когито. Иногда о Господине Когито говорится в третьем лице, иногда он высказывается от себя.

«Cogito, ergo sum» – «я мыслю, следовательно, я существую» – истина, провозглашенная Декартом в качестве первого принципа философии, действительно стала одним из краеугольных камней философии Нового времени, одним из ориентиров самосознания мыслящего европейца последекартовской эпохи.

Знаменитую фразу Декарта Херберт облюбовал как фразу, вошедшую не только в профессиональный язык философов, но и в обыденное, общежитейское сознание, как фразу, которую слышали все.

Господин Когито – человек «такой как все», рядовой интеллигент, рядовой думающий человек второй половины XX века. Чаще всего на протяжении книги он именно думает, размышляет. Вот названия стихотворений: «Господин Когито думает о возвращении в родной город», «Господин Когито размышляет о страдании», «Господин Когито и чистая мысль», «Господин Когито и движение мыслей»... Хотя Херберт все время чуть-чуть подтрунивает над своим героем, над его попытками мыслить.

В одном из интервью Херберт вспоминает понравившийся ему анекдот о том, как Эйнштейна спросили, что он делает со своими мыслями, когда они приходят в голову: записывает их в особую тетрадку или на отдельные карточки. Мысли, ответил Эйнштейн, так редко приходят в голову, что, если уж приходят, запомнить их нетрудно. Вот этот анекдот и дает ключ к тому, как читать книгу «Господин Когито».

Господин Когито – не Херберт. Сколько бы Херберт ни дарил герою черточек своей биографии, своих интересов, своих мыслей. Даже когда Херберт делает Господина Когито поэтом, как в стихотворении «Будни души», они все равно остаются не тождественны. Херберт привыкает к своему герою, начинает перепоручать ему некоторые свои обязанности. Уполномочивает его, например, рассказать о беседе Спинозы с Богом. Наделяет своей любовью к древней истории вообще и к римским стоикам в частности. Но между Автором и Господином Когито всегда остается дистанция, большая или меньшая, совсем малая, но остается.

Декарт считал мышление синонимом сомнения. И наш современник Когито полон сомнений, мучительных сомнений.

Кто я такой? Тот ли я, кем был вчера и десять лет назад? Каков я? Почему я именно таков? Эти вопросы мучают Господина Когито с первой же страницы книги, где в поисках своего «я» он рассматривает свое лицо в зеркале. Проблема тождества личности для человека, пережившего эпоху войн и социальных потрясений, – это именно проблема. И трудная, порой неразрешимая.

На второй странице появляется мотив раздвоенности. В Господине Когито есть и Дон Кихот, и Санчо Панса, и деваться ему некуда, с этим ему жить, так ему и идти по белому свету, «ковыляя неловко».

Господин Когито, уже «по определению», человек мыслящий. Как все мы втайне думаем о себе. Но Херберт, с присущими ему точностью и осторожностью выражения, уточняет: человек, старающийся мыслить. Мыслить, по Херберту, – не только способность человека (как-никак его родовое название – Гомо Сапиенс), но и обязанность. Однако мыслить – не так-то просто. Подлинное мышление – свое, свободное, независимое. А все мы, как Господин Когито, зависим.

Зависим от мышления наших предков; в нас живы «голод и страх палеолита» и агрессивность варваров раннего Средневековья. Зависим от любых новейших веяний и умонастроений, заставляющих каждого «уважающего себя человека» интересоваться то магией, то гностиками, то дзэн-буддизмом, то еще чем-нибудь. Господин Когито – человек «на уровне». Он читает Гераклита и пророка Исаию. Но читает и ежедневную газету, причем задерживается именно на тех ее столбцах, которые ужасали Цветаеву (в стихотворении «Читатели газет») – на уголовной хронике.

Господин Когито бывает смешным. В «Когитовском» цикле наряду с иронией много улыбки, юмора, моментами почти буффонады. Нечто, я бы сказал, чаплинское рождается из сочетания иронии, даже насмешки над героем (хербертовской насмешки, но не дай бог нам над ним смеяться: над кем смеетесь – над собой смеетесь!) и сочувствия, симпатии, человеческой солидарности с ним.

Господин Когито, «маленький интеллигент» второй половины XX века, – потомок «маленького человека». Он живет под страшным постоянным давлением действительности. Он и сам знает, что он мал, что почти беспомощен перед огромными силами зла, деспотизма, насилия. Но он не мирится со своей малостью, он преодолевает свою малость, свою беспомощность, преодолевает то расстояние, – один шаг, но какой! – которое отделяет смешное от великого. Он оказывается мужествен и героичен, как герои древности, хотя ситуация нашего современника Когито хуже; в отличие от Катона Младшего у него нет меча, чтобы заколоться, нет также «возможности отправить семью за море». Бывает, что у него остается единственный выбор: выбор последнего жеста, выбор позиции, в которой он хочет умереть. И умереть он предпочитал бы стоя.

В стихотворении «Дракон Господина Когито» речь идет не о мужестве гибели, а о мужестве борьбы. Господин Когито выходит на битву с драконом, выходит один на один:

...он оскорбляет дракона

*он его провоцирует
как наездник дерзко гарицующий
впереди отсутствующей армии...*

Читая сейчас это стихотворение, мы вспоминаем удушливый политический климат Восточной Европы 1970-х годов.

Книга «Господин Когито» вышла в те годы, которые стали уже историей. В годы, которые у нас теперь задним числом именуют «годами застоя», а в Польше, с легкой руки Ружеви́ча, тогда еще иронически называли годами «малой стабилизации». В этой своей книге пятидесятилетний к тому времени Херберт чуть отошел (как Монтень с годами) от исключительного предпочтения философии стоиков к признанию правоты как стоиков, так и скептиков. Но стоики, их идеалы, идеалы юности Херберта, остались для него той верой, которой он верен. «Будь верен. Иди». Этими словами заканчивалась книга о Когито. Сейчас, в ретроспективе, видно, сколь большую роль сыграла и эта книга, и вся поэзия Херберта в воспитании мужества, честности, бескомпромиссности польской молодежи 70-х, молодежи, которая предвосхищала, торопила, готовила события и перемены 80-х.

Херберт, польский поэт, лауреат премий Ленау, Гердера, Петрарки, давно уже воспринимается везде как поэт общеевропейский, а за океаном был даже создан новый журнал «Mr Cogito» в знак уважения к поэту-гуманисту, хранителю нравственных ценностей и идеалов человечества.

(«Иностранная литература». 1990. № 8)

3. «Рапорт из осажденного города», «Элегия на уход», «Ровиго»

Первая книга стихотворений Збигнева Херберта вышла в Варшаве в 1956-м. Ему было уже 32 года. Много лет он ждал своего времени и писал в стол. Зато первая же его книга была высоко оценена, через год вышла вторая, вскоре третья, а затем и книга эссе, написанных после его путешествий по Италии, Греции, Франции, куда он впервые смог приехать в 1958-м.

Годам странствий предшествовали годы учения. Сразу после войны Херберт учился короткое время в Академии художеств в Кракове, окончил там же Торговую академию с дипломом экономиста, юридический факультет в университете в Торуне, изучал в Торуне и в Варшаве философию. Но до всего этого, раньше чем получить – на тайных курсах в годы оккупации – аттестат зрелости, он окончил в 1942-м тайную школу подхорунжих. Участие в польском Сопротивлении осталось главным переживанием его жизни.

Херберт первых четырех книг – поэт исторический. В его книгах – Вторая мировая война, но также вся мировая история, а в ней более всего – античность. Его учителя – античные историки Геродот, Фукидид, Тацит. Все они писали о современности, еще кровоточащей, драматичной, рассказывали о войнах и деспотизме, размышляли о проблемах власти и личности, свободы и насилия.

К началу 70-х годов Херберт был канонизирован и в Польше, и в Европе. Сейчас его стихи изданы на пятнадцати языках, на некоторых были изданы давно. Он живой классик. Самый «античный» из современных европейских поэтов. Таким он предстал и в первой публикации журнала «Иностранная литература», в 1973-м.

Тем неожиданнее была его книга «Господин Когито» (1974). Это своеобразный интеллектуальный роман в стихах. Выдающимся художественным открытием был сам образ Господина Когито – рядового интеллектуала в современном мире. Херберт отдает господину Когито отдельные черточки своей биографии, свои склонности, свой круг интересов. Иногда, это почти alter ego автора, но только почти. Сборник имел огромный успех по обе стороны океана. В одном из университетских городов США семь лет выходил журнал «Mr. Cogito», посвященный Херберту и «гуманистической традиции, которую он представляет». По-русски стихи из книги «Господин Когито» публиковала «Иностранная литература» в 1990-м и еще большую подборку – журнал «Феникс-XX» в 1993-м.

Херберт привязался к своему «почти двойнику», и в следующей книге дюжина стихов тоже связана с ним.

Но смысл новой книги – «Рапорт из осажденного города» – определяется ее заглавной вещью. Книга написана под впечатлением событий в Польше 1980–1982 годов, а издана была в 1983-м в Париже. В Польше такая книга могла появиться в те годы только в самиздате, и действительно, польский самиздат несколько раз перепечатывал парижское издание (а книжечка, содержащая половину стихов, 18 из 35, вышла в самиздате еще в 1982-м). Формула «осажденный город» стала для поляков 1980-х годов символом нравственного сопротивления.

«Рапорт из осажденного города» – самая польская вещь Херберта. Но и здесь он остается поэтом общечеловеческим, универсальным. «Осажденный город» – не обязательно именно город. Это могут быть и гора, перевал, ущелье, обороняемые теми, кто борется за право быть собой, как «защитники далай-ламы курды афганские горцы». (Афганское ущелье Паншир Херберт вспомнит потом в стихотворении «Метаморфозы Тита Ливия».) Хотя это может быть и город. Рим, осаждаемый готами. Или – еще глубже в древность – Ветилуя, осаждаемая Олоферном.

Речь идет не обязательно о поляках. Но в первую очередь все же о поляках.

«Осада длится так долго...» Это и осада польских войск в Збараже в 1649-м казацко-татарскими войсками под предводительством Хмельницкого, и осада Ясногурского монастыря в 1655-м шведами. И осада Варшавы – в 1794-м, в 1831-м. И восставшая Варшава 1944-го, когда каждый квартал, каждый дом, удерживаемый повстанцами, был крепостью. Наконец, это Польша 1980–1981-го, напряженно ждавшая возможной интервенции, Польша времени военного положения, которое тоже было «осадой», испытанием душевной стойкости нации и каждого поляка. Польские читатели начала 1980-х прочитывали у Херберта в первую очередь этот последний слой многослойного польского «архетипа» осажденного города.

Именно последний исторический слой прежде всего прочитывается и в другом стихотворении Херберта – «Метаморфозы Тита Ливия», открывавшем его книгу «Элегия на уход» (Париж, 1990). Стихотворение, посвященное гимназическим воспоминаниям об имперском Риме, кончалось пророчеством – «рухнет империя». Рухнула империя и распалась в 1991-м. Как когда-то, после выстрела в Сараево 1914 года, рухнула и распалась другая империя, Австро-Венгерская.

В австро-венгерской Галиции жили отец и дед Херберта. В Галицию приехал когда-то его прапрадед, потомок старинного английского рода Хербертов, дарившего еще в XVI и XVII веках не только графов, но и выдающихся английских поэтов и философов. Отец Херберта был уже польским патриотом и в Первую мировую войну воевал в легионах Пилсудского.

Образ отца Херберт воссоздает в стихотворении «Фотография». Отец приобщает сына к античным понятиям о долге, о необходимости жертвовать собой. География стилизована под Геродота: Южный Буг именуется Гипанис.

Образ Львова – родного города Херберта – внимательный читатель разглядит в стихотворении «Мать»:

Вытянутые руки светят во тьме как старый город

Это и старый город Львов, и Старый Город – исторический центр Львова, его Рынок, Ратуша, Ренессанс и Барокко его домов и костелов. Херберт вырос среди этих зданий, многие из которых построены итальянскими зодчими.

Итальянские стихи появляются в последней книге Херберта, она и названа «Ровиго»: по названию маленького итальянского городка. Она была издана – уже не в Париже, а в Польше – в 1992-м, одновременно с польским переизданием «Элегии на уход». Обе книги были выпущены одним и тем же вроцлавским издательством в единообразных обложках, одним и тем же, гигантским для Польши тиражом 50 тысяч экземпляров и стали двойным бестселлером. Успех издательства – и это в условиях рынка – был столь убедительный, что оно рискнуло тут же, вслед за двумя новыми книгами, переиздать, в таких же обложках, таким же тиражом, и сборник «Господин Когито», выходявший двадцать лет назад, и первый сборник стихов Херберта «Струна света».

Тема последних двух книг Херберта – «уход»: уходят друзья, ушли отец, мать, учителя. Нет, не ушли – уходят, удаляются, еще видны Херберту, и он торопится, пока не поздно, запечатлеть их образы. Дружеское, родственное, домашнее занимает в последних стихах Херберта большое место. Простота и доверительность интонации Херберта дополнились открытостью.

Но и в этих книгах личные стихи Херберта о друзьях, о родных и близких оказываются также поэзией надличной, исторической. Стихотворение «Пуговицы» Херберт публикует с посвящением памяти брата отца, польского офицера, погибшего, как тысячи польских офицеров, в Катynie. Но это и надпись на памятнике всем погибшим там. Не случайно стихотворение написано чеканным ямбом, размером, к которому Херберт (пользовавшийся им иногда в первых книгах) не обращался уже лет тридцать.

Одновременно с возвращением в Польшу поэзии Херберта вернулся и сам Херберт. В феврале и в ноябре 1994-го я виделся с ним в Варшаве.

(«Иностранная литература». 1998. № 8)

4. Прощаясь с Хербертом – возвращаясь к Херберту

Збигнев Херберт – классик европейской поэзии второй половины XX века. В большинстве европейских стран такая фраза давно звучит как трюизм. В России с поэзией Херберта познакомилась позже, но читатели журнала «Иностранная литература» знают его стихи: три большие публикации – в 1973, 1990, 1998 годах. Эту последнюю Херберт уже не увидел. Она появилась в августе, а он скончался в последних числах июля.

1998 год польская критика успела было окрестить «годом Херберта»: вышла его новая, девятая книга стихов «Эпилог бури», вышло его авторское избранное «89 стихотворений», вышло избранное в так называемой «золотой серии» – «Коллекции польской поэзии XX века», издаваемой поляками в «золотых» обложках, вышел большой том избранных статей о нем – «Познавание Херберта». Но год оказался годом кончины Херберта.

«Струна света» – как назвал он свою первую книгу и как можно назвать всю его поэзию – пронизывала польскую духовную жизнь все эти сорок два года.

Херберт был светлым поэтом, лучом света в нашем темном столетии, хотя сам он очень мрачно смотрел на прошлое, настоящее и будущее человечества, был пессимистом, героическим пессимистом. Казалось бы, он не мог дать ни веры, ни надежды, потому что сам не имел их. Он не питал никаких иллюзий, ни во что не верил. Но был верен. Верность – едва ли не важнейшее понятие его системы ценностей.

Он был верен себе, и на этом держится единство всего, что он написал. В своем предсмертном авторском избранном он собрал стихи в пять разделов – по тематическим признакам и просто по личному ощущению, – не обращая внимания на хронологию. Таким неизменным, постоянным, «непоколебимым» он видел себя в конце жизни сам, как бы отрицая движение времени. Но читателям – и мне в том числе – творчество Херберта представало меняющимся.

В первых четырех книгах стихов – «Струна света» (1956), «Гермес, пес и звезда» (1957), «Исследование предмета» (1961), «Надпись» (1969) – преобладали история и философия истории. Из эпох мировой истории особенно ощутимо в поэзии Херберта присутствуют две: новейшая история, начиная со Второй мировой войны, и история античности – греческой, римской, иудейской.

Греки привлекают Херберта неразделимостью у них понятий добра и красоты. Для Херберта эстетическое тождественно этическому (пережиток этого тождества сохранился во многих языках, в том числе и в русском – когда мы говорим о «некрасивом» поступке, о «некрасивом» поведении).

Чрезвычайно важна для Херберта правда, истина. Стихотворение «Почему классики» можно считать манифестом Херберта. Правдивостью и беспристрастностью, писательским мужеством, беспощадностью к себе симпатична для Херберта фигура древнегреческого историка Фукидида. Близко Херберту и то, что Фукидид имел смелость заниматься историей – для него – новейшей: «Фукидид, афинянин, написал историю войны... Начал он труд свой тотчас по возникновении войны...» Вот оно, то сочетание истории и современности, которое единственно и интересует Херберта.

В поэзии Херберта античность и современность ведут диалог между собой. В стихотворении о Фукидиде присутствуют и афинский военачальник Фукидид, и «генералы последних войн», в стихотворении «Иона» – и «современный Иона», и его «библейский коллега». В стихотворении «У врат долины» хербертовская «долина» – это и долина Иосафата, и современный мир с его концентрационными и фильтрационными лагерями (где «спасены» мы будем «поодиночке»), с постоянно висящей над ним угрозой ядерной гибели. «Библейские ассоциации, – писал об этом стихотворении польский литературовед Януш Мацеевский, – делают для нас очевиднее апокалиптичность Освенцима и Хиросимы». Но и наоборот. Отблеск ужа-

сов XX века высвечивает тенденции тоталитаризма и массового человекоубийства в сознании людей библейских времен. В этом стихотворении вся мировая история предстает в сверхсжатом виде как перманентная катастрофа.

На исторической концепции, на исторических интуициях Херберта (и его эмоциях, сколь бы сдержанным он ни старался быть) лежит отсвет гигантского пожара Варшавы-Трои, Варшавы-1944, гибели и самого Города, и сотен тысяч его жителей.

В одном из позднейших стихотворений Херберт назовет свою Польшу «сокровищницей всех несчастий». Небывалые несчастья обрушились на поляков начиная с сентября 1939 года. Херберт был современником этих событий. В 1939-м ему было пятнадцать лет, в 1944-м – двадцать. Он участвовал в польском Сопротивлении. По окончании в 1942 году тайной школы подхорунжих был бойцом Армии Крайовой. Тогда и там сложились основы его этики, его шкалы ценностей.

Любовь к родине. Херберт верен ей с самого начала и до конца.

Стихотворение «Ответ» появилось в книге 1957 года, но написано раньше (когда именно, мы не знаем: до 1956 года Херберт писал «в стол», но и в первую книгу, книгу 1956-го, очень многое не могло войти, вошло лишь во вторую, вышедшую после «польского Октября», в момент максимального – временного – расширения цензурных рамок). Бежать или не бежать отсюда? Отсюда, где в любой момент могут прийти за тобой? Такое напряженное ожидание ареста было и во Львове 1939–1941 годов (когда десятки львовских поляков НКВД арестовало, а тысячи депортировало на Восток). И в том же Львове 1941–1944 годов (нелюдские манекены «из резины и железа» – это гитлеровцы). И в разных городах Польши в 1944–1956 годах, когда Херберт, бывший боец Армии Крайовой, не явившийся с повинной после амнистии, скрывавший, где он был и что он делал в годы оккупации, в том числе в месяцы Варшавского восстания, так и не вышедший, по существу, из подполья, из конспирации, – в любую минуту мог ждать ареста (и часто менял места проживания!). И все же бежать «на тот чужой желанный берег» он не считает возможным. Херберт признает своими отчизнами и Элладу, и Рим, и Европу Средневековья и Ренессанса, но избраннейшая из всех отчизн —

*лишь здесь где втопчут тебя в землю
где заступом звенящим твердо
выроют яму для мечты*

Обращает на себя внимание метр, которым написано стихотворение Херберта «Ответ», – четырехстопный ямб. Этот размер, который в России «надоел» еще Пушкину, в Польше оставался редким, не банальным, а потому выразительным даже к 1956 году, к моменту дебюта Херберта. Классическим стихом в польской поэзии с XVI века был и остается стих силлабический, силлабо-тонические же размеры появились в XIX веке, но четырехстопный ямб у поляков и в XX веке встречается нечасто. В первых четырех книгах Херберта – около двух десятков ямбических стихотворений. Но после 1969 года Херберт от ямба отказался полностью, писал только верлибром, исключений всего два-три.

На протяжении 1960-х годов польские критики числили Херберта классицистом. Странники классицизма пользовались его именем как решающим козырем в литературных дискуссиях. Сам Херберт в дискуссиях не участвовал, о поэзии высказывался редко и немногословно. Но некоторые его высказывания толковались в пользу классицизма, например «постулат красоты» и «постулат семантической прозрачности» («Слово – это окно, открытое на действительность»). Апеллирование к действительности позволяло бы говорить и о реализме Херберта, но в польской критике тех лет это был термин немодный, да и для самого Херберта слово «реализм» крепко и надолго срослось с эпитетом «соц». Поэтому и слово «реализм» появилось у него лишь в 1980-х годах – в эссе о живописи «малых голландцев».

К критикам, классифицировавшим его как классициста, – и к классификаторам в литературе вообще – Херберт относился скептически и с юмором. В самом деле, приглядевшись, нетрудно заметить, что Херберт – тайный романтик, что наибольшее количество реминисценций в его поэзии – из Адама Мицкевича. (Юлиуша Словацкого он тоже любит, но заметить это труднее.) Впрочем, ко многим «крайностям» романтизма – и польского, и европейского – Херберт относится отрицательно.

Диалектично и его отношение к авангарду первой половины XX века в литературе и искусстве. Среди самых ранних публикаций Херберта – эссе-некролог о Фернанде Леже (1955). Херберту, оказывается, нравятся «простые, с железной логикой построенные картины» Леже; по мнению Херберта, «этот современнейший из современных подает руку великим умершим», его «классическая простота... заставляет вспомнить Давида и Пуссена».

Словом, эстетика Херберта – эстетика некоего равновесия (подвижного равновесия) между «традицией» («классикой») и «современностью» («авангардом»).

Поэзия Херберта вообще как бы «между», и число таких «между» можно множить. Например, между поэзией для высоколобых и поэзией для всех. Хотя в этом случае правильнее было бы вспомнить постулат Моцарта: писать так, чтобы верхний слой был понятен каждому, но чтобы для любого, сколь угодно глубокого знатока оставались сколь угодно глубокие слои.

К концу 1960-х годов Херберт был признан – и в Польше, и в Европе – как философский, интеллектуальный поэт. В 1971 году вышло его «Собрание стихотворений». В него вошли первые четыре книги, они прилегли друг к другу, как камни в старинном, добротном построенном соборе – здание выглядело монументальным. Казалось, Херберт свое здание достроил. И вот тогда начали появляться в журналах стихи из книги, которая выйдет в 1974-м и всех ошеломит, – из книги «Господин Когито».

Это роман в стихах, состоящий из 40 отдельных стихотворений (переводы – «ИЛ», 1990, № 8, и особенно «Феникс-XX», 1993, IV–V, а также – в антологии «Польские поэты XX века», т. II, 2000). Но Херберт привязался к Господину Когито, и стихи «Когитовского» цикла продолжали появляться во всех следующих книгах.

«Не роман, а роман в стихах – дьявольская разница» (Пушкин). Иногда в этой «рационалистичной» книге с декартовским названием вдруг пробивается хербертовский лиризм (например, в стихотворении «Душа Господина Когито»), лиризм, которого у Херберта за его суровой интонацией, за его интеллектуальностью, за его ироничностью, за его «морализаторством» и в прежних-то книгах не замечали. Господин Когито – это интеллектуал XX века, отчасти альтер эго самого Херберта, отчасти любой думающий поляк, нет, шире – житель Восточной Европы, нет, еще шире – обитатель любой из стран Запада, включая обе Америки. К этому времени Херберт, объездивший и обошедший пешком наиболее интересовавшие его страны Европы, побывал и за океаном: в 1970–1971 годах он читал лекции в Лос-Анджелесе. Херберту удалось создать обобщенный образ интеллектуала Обоих Полушарий.

Образ Господина Когито чрезвычайно противоречив. Это и Дон Кихот, и Санчо Панса в одном лице («О двух ногах Господина Когито», «ИЛ», 1990, № 8). Он пытается быть на уровне требований, предъявляемых эпохой, он должен быть героем, он пробует быть героем («Дракон Господина Когито», там же), но это человек, не лишенный слабостей. Есть в нем, как тонко заметил кто-то, нечто чаплинское. Вроде бы выдающийся интеллектуал (ведь он – как бы и сам Херберт) и в то же время интеллектуал рядовой, средний, всякий (и даже «читатель газет», о ком с ненавистью и презрением писала Цветаева). И уж определенно это интеллектуал-«неудачник». Ведь все интеллектуалы XX века – «неудачники». XX век стал веком страшного одичания во всех странах европейско-американской цивилизации – и в тоталитарных, и в так называемых «демократических»:

в Амстердаме обнаружили

*пластмассовые орудия пыток
девчонка из Массачусетса
приняла крещение крови...*

*«Господин Когито о магии».
«Феникс-XX». 1993. IV–V*

И когда Господин Когито решает вернуться «на каменное лоно отчизны» («Господин Когито – возвращение», «ИЛ», 1990, № 8), им движет не только любовь к родному краю:

*в прогресс он больше не верит...
...от выставок изобилия
ему тоскливо и тошно...
...а потому возвращается*

Бывали периоды, когда Херберт жил за границей подолгу, годами не приезжая или почти не приезжая в Польшу (1965–1971, 1975–1981, 1986–1992). Но возвращался. Вернулся и в 1981-м, в год «Солидарности», в год, начавшийся в августе 1980-го и длившийся почти шестнадцать месяцев. Херберт тогда вернулся и с небывалой для него активностью и ангажированностью участвовал в событиях того года. Сохранилась – и опубликована – фотография его рядом с Лехом Валенсой и другими тогдашними рабочими лидерами. Может быть, это как раз те «волнующие торжества в память познанского Июня» (трагический июнь 1956-го: забастовка и демонстрация в Познани, расстрел познанских рабочих), о которых пишет Херберт в июле 1981-го своему младшему другу за границу, письмо опубликовано в том же номере журнала, где и фотография, – это хербертовский номер журнала «Зешиты литерацке» (1999, № 4). «... Я с повязкой на рукаве, – рассказывает Херберт, – выполнял неблагодарную роль человека, следящего за порядком, и отгонял пилигримов от Валенсы. Это были очень красивые торжества...»

То был июнь 1981-го. 13 декабря ввели военное положение. Херберт не был интернирован. Польские власти считались с его всемирной известностью. Считались – несмотря на его дерзкую нелояльность: в 1983 году в Париже вышла его новая книга «Рапорт из осажденного города», первоначальный, более краткий вариант которой – «18 стихотворений» – был напечатан еще раньше в Польше, в самиздате, позже перепечатывался в самиздате и полный вариант. (Перевод заглавного стихотворения – см. в «ИЛ», 1998, № 8, другие стихи из книги – в «ИЛ», 1990, № 8.) Формула «осажденного города» стала формулой нравственного сопротивления поляков в начале 1980-х, Херберт же стал для них одним из двух – наряду с «Папой-поляком» Иоанном Павлом II – высших нравственных авторитетов.

«Рапорт из осажденного города» – это был опять новый, опять для многих неожиданный Херберт. По контрасту с предыдущей, наиболее «универсальной» книгой – «Господин Когито» в новой книге особенно мощно звучала ее подчеркнутая польскость. Впрочем, польское и общечеловеческое сосуществовали в поэзии Херберта всегда (сосуществуют они и в давнем стихотворении «Ответ»). Сосуществовали в подвижном равновесии. И в новой книге общечеловеческое никоим образом не исчезло. «Осажденный город» – это не только Польша (или Варшава), это любой город (крепость, монастырь, горный перевал), защитники которого решили стоять до конца – в наше время или в древности, потому что любая древность – это тоже наше время.

Вплоть до 1989-го многие стихотворения книги по цензурным условиям публиковать было невозможно.

И вот «последний Херберт», Херберт последних трех книг – «Элегия на уход» (Париж, 1990; Вроцлав, 1992), «Ровиго» (Вроцлав, 1992), «Эпилог бури» (Вроцлав, 1998). Это книги в

значительной мере автобиографические. Стихи, как правило, от первого лица. Уже не «лирика роли», не «лирика маски». Максимальная – максимально возможная для сдержанного Херберта (сдержанного по натуре или по многолетней привычке?) – откровенность. Наряду с проповедью и вместо проповеди появляется исповедь:

*я не мог выбрать
ничего в моей жизни
согласно моей воле
знаньям
добрым намереньям
ни профессии
ни приюта в истории
ни системы которая все объясняет...*

*«Облака над Феррарой».
Польские поэты XX века, т. II*

Если приглядеться, эти перемены – в сторону автобиографичности, откровенности, приватности, домашности – произошли уже раньше. Уже «Рапорт из осажденного города», самая гражданская книга Херберта, была – несколько неожиданно – посвящена жене. И даже не Катажине, а Касе, в уменьшительно-ласкательной, домашней форме (пани Катажина, урожденная Дзедушицкая, стала женой Херберта в 1968 году). Стихотворение о матери было уже в книге «Господин Когито» (перевод – «ИЛ», 1998, № 8), а в «Рапорте» появилась «Фотография» (перевод – там же) – сентиментальное воспоминание об отце и о себе, о довоенном мальчишке-подростке.

Новое в книге «Ровиго» – «итальянские стихи». Города Италии, ее архитектура и живопись, ее архитекторы и живописцы давно занимали важное место в эссеистике Херберта (в книге «Варвар в саду», 1964), теперь они появились и в его поэзии. (Здесь, наверно, нужно напомнить, что Херберт, прежде чем получить дипломы экономиста в Торговой академии и юриста в университете, прежде чем изучать философию в двух университетах, учился короткое время – в 1945-м – в краковской Академии художеств. А рисовать продолжал всю жизнь.) В двух стихотворениях книги Херберт говорит о Ферраре, она напоминает ему «отнятый город отцов».

С Феррарой Херберт сравнивает родной Львов (исторический центр которого построен итальянцами). Львов здесь все еще не назван по имени, как не был назван в стихотворении «Мой город» в книге 1957-го и в стихотворении «Господин Когито думает о возвращении в родной город» в книге 1974-го. По имени Львов будет назван только в последней книге – «Эпилог бури».

Свое воображаемое возвращение во Львов Херберт описывает в стихотворении «Высокий Замок».

Высокий Замок – это парк на горе, возвышающейся над Львовом, на горе, где сохранились руины замка XIV века. На гору можно вскарабкаться пешком, но можно ехать и на трамвае. С горы – вид на весь город и на окрестности. Львовянин Станислав Лем, земляк Херберта, человек того же поколения, опубликовал книгу о своем львовском детстве и отрочестве. Книга так и называлась – «Высокий Замок»: «... Тем, чем является для христианина небо, был для каждого из нас Высокий Замок... это, собственно, было не место, а состояние – состояние совершенного блаженства...»

В 1973-м, посылая Херберту первую публикацию его стихов в «ИЛ», я послал ему также и только что вышедший в Москве томик другого польского поэта-львовянина, Леопольда Стаффа, с моим предисловием, в этом предисловии мои львовские восторги – тогда еще

свежие – присутствовали в полной мере. Херберта особенно тронула надпись: «Zbigniewowi Herbertowi – rzecz o Staffie i o Lwowie». Так началась наша переписка. А увидеться удалось лишь много лет спустя.

При встрече оказалось, что Херберт не только свободно читает по-русски, но и свободно, без акцента, говорит (на мое удивление по этому поводу он заметил с гордостью: «У меня вообще способности к языкам»). А вот русские мотивы в поэзии Херберта немногочисленны. Имена тоже. Толстой и Достоевский? Нет, Толстой и Кропоткин. Достоевский лишь мелькнул – рядом с Паскалем – в стихотворении «Бездна Господина Когито» («ИЛ», 1990, № 8). Зато о побеге Петра Кропоткина из царской тюрьмы рассказывается подробнейшим образом в стихотворении «Игра Господина Когито». Херберт читал и помнил записки Кропоткина, но кое-что изобразил иначе, чем было. Так, скрипач, дающий знак к побегу, играет у Херберта «Похищение из сераля» (название вещи Херберт выбрал ради «игры», ради игровой, иронической параллели к «похищению» царского узника), а не мазурку Контского, как было на самом деле. И самый побег у Херберта происходит не из тюремной больницы, как было, а из Петропавловской крепости – из твердыни самодержавия.

Подобным образом в стихотворении «Смерть Льва» многие детали бегства и смерти Льва Толстого сохранены Хербертом, а кое-что Херберт изменил. Известно, что православная иерархия, отлучившая Толстого от церкви, мечтала добиться предсмертного покаяния великого еретика и вернуть его «в лоно», но ничего из этого не вышло. Тщетно пытались в ноябре 1910-го пробиться к умирающему Толстому в Астапово тульский епископ Парфений и старец Варсонофий. Так что диалог умирающего Толстого и «попа Пимена» Хербертом вымышлен. Последние слова Толстого были, как мы знаем по рассказу его дочери, об истине и о любви. В версии же Херберта умирающий Толстой дважды повторяет: «Надо убежать». Эти слова – постоянный внутренний монолог Толстого последних лет, иногда выплескивавшийся на страницы его дневника. В стихотворении Херберта бегство Толстого трактуется в свете предсказаний Иисуса о кончине века: «...Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы... Молитесь же, чтобы не случилось бегство ваше зимою...» (Евангелие от Матфея, 24, 16 и 20). Херберт хочет сказать, что только Толстой (а не церковь) верно читает и толкует Писание: Толстой знает, что конец света уже наступил, что начавшийся XX век и есть конец света, приходит «время беглеца и погони», «время Великого Зверя».

Поэт XX века, Херберт противостоял этому времени. И помогал держаться другим людям. «Ее достоинства, – писал о поэзии Херберта Иосиф Бродский, – уравнивают безмерность физического и психического давления, оказываемого на человеческую личность современной действительностью». Бродский особенно подчеркивает «духовное мужество» Херберта. Это из предисловия Бродского к итальянскому изданию стихотворений Херберта, под предисловием – дата и место написания: Нью-Йорк, ноябрь 1992.

«...Уход Иосифа Бродского я ощущаю очень болезненно, – писал мне Херберт в открытке от 18.07.1996 (на открытке – а Херберт придавал значение изображениям на открытках, посылаемых и получаемых, – Венеция, которую так любил Бродский, Венеция, где его похоронили). – Он навел меня в Варшаве. Я очень его ценил, любил его как человека большого сердца и превосходного мастера».

Таков постскрипtum, а содержание открытки, с трудом нацарапанной человеком, временно чуть выкарабкавшимся из экстремальностей болезни, – болезнь и «борьба с костлявой»: «...Со здоровьем у меня чуть получше. И днем и ночью втискивают мне кислород в легкие с помощью специального устройства. Борьба с костлявой продолжается, и, кажется, впервые – несколько очков в мою пользу. Начал немного работать... Часто и сердечно вспоминаем нашу встречу в Варшаве. Когда увидимся снова?..»

Открытка от 10.04.1997 еще короче и еще более корявым, но читаемым почерком: «... Отвечаю с таким большим опозданием, хлопоты со здоровьем, которое согласно закону при-

роды ухудшается». А ниже, отдельно: «Еду все быстрее саночками вниз» – эти две строки (стихотворные? хорейские? фольклорные?) записаны прозой. У древних славян (это известно, в частности, из записей этнографов в Галиции) стариков, провожая на тот свет, зимой вывозили на санях и спускали в глубокий овраг. На этой открытке Херберта – букет цветов, не вообще какой-то букет цветов, а цветная гравюра, воспроизводящая крестьянский рисунок из деревни в Галиции.

Перед уходом Херберт успел назвать по имени Львов, Галицию – не успел. Но он о ней помнил.

В своих последних книгах Херберт писал об уходящем веке, обо всем, что уже ушло или уходит. Уход самого Херберта обозначил конец XX века в польской поэзии.

(«Иностранная литература». 2001. № 7)

Стихотворения

Из книги «Струна света» (1956)

* * *

Женщины на нашей улице¹
были будничные и добрые
терпеливо тащили с базара
большой букет овощей

Дети на нашей улице
вечно мучали кошек

Голуби —
серенькие и кроткие

в парке был памятник Поэту
дети гоняли обручи
и разноцветный крик

птицы садились на руки
читали его молчанье

летними вечерами
жены привычно ждали
теплых табачных губ
Женщины не умели детям
сказать: вернется ли
и на закате города
гасили огонь руками
прикрывающими глаза

детям на нашей улице
смерть досталась тяжелая
голуби падали так легко
как подстреленный воздух

уста Поэта
стали пустым горизонтом

---

¹ Цикл «Три стихотворения по памяти» был послан писателю Ежи Завейскому в октябре 1950; стихотворение «Женщины с нашей улицы...», третье в цикле, в той рукописи имело посвящение: «Городу».

птицы дети и жены не могут жить
в черепках разбитого города
на холодной постели пепла

город стоит над водой
гладкой как память зеркала
он отражается от самого дна

и улетает к высокой звезде
где запах пожара такой далекий
как Илиада

Красная туча

Красная туча пыли —
память о том пожаре
когда закатился город
за горизонт земли

нужно разрушить
еще одну вот эту стену
еще один кирпичный хорал
чтобы открытая рана
между взглядом и воспоминаньем
зарубцевалась

рабочие те что утром
кофе пьют с молоком шелестят газетой
отогрели дыханием рассвет и дождь
коченевший так долго в умершем воздухе

стальным канатом
напряженным молчаньем
подымают как флаг
освобожденное от руин пространство
опадает красная туча пыли
перелет через пустыню

на высоте уничтоженных этажей
выплыли окна без рам

когда падет
последняя вертикаль
рухнет кирпичный хорал
и поднимется из руин мечта

о городе который здесь был

о городе который здесь будет
которого нет

Надпись²

Смотришь на мои руки
слабые – говоришь – как цветы

смотришь на мои губы
им не под силу словом объять мир

– покачаем лучше на стебельке мгновенья
уьемся ветром
посмотрим как заходят наши глаза
запах увяданья прекрасней всего на свете
очертанья руин смягчают боль

во мне огонь который мыслит
ветер который полнит парус
руки мои нетерпеливы
могут
голову друга
изваять из воздуха

твержу я стих который хотел бы
перевести на санскрит
или на пирамиду:

когда источник звезд иссякнет
мы осветим собою ночь

когда окаменеет ветер
мы приведем в движенье воздух

Мой отец³

Отец мой был поклонник Франса
курил Отменный Македонский
и в синем дыме колыхался
смакуя шик усмешки тонкой
и я в далекие те годы

---

² Стихотворение послано в письме к Ежи Завейскому в октябре 1949; в 1950 публиковалось в периодике.

³ Стихотворение послано было в письме к Хенрику Эльзенбергу в июле 1952, в 1954 публиковалось среди нескольких других в альманахе молодых поэтов. Образ отца мифологизирован.

отца склоненного над книгой
считал Синдбадом Мореходом
которому порой тоскливо

Бывало на ковре волшебном
он улетал от домочадцев
По атласам бежали вслед мы
он исчезал Но возвращался
в туфлях домашних снова здешний
ключами вновь звенел в кармане
жизнь шла но шла без изменений
капля по капле дни за днями

однажды занавески сняли
он сквозь окно и не вернулся
грустил ли расставаясь с нами
а может и не обернулся
в одном журнале иностранном
я видел снимок остров дальний
у них отец мой губернатор
либерализм у них и пальмы

Из цикла «О Трое»

Шли по ущельям бывших улиц
шли красным морем пепелищ

и как закатом красной пылью
был озарен погибший город

Шли по ущельям бывших улиц
рассвет своим дыханьем грели

и говорили что нескоро
подыметься здесь первый дом

Шли по ущельям бывших улиц
надеялись найти хоть след

Поет гармошка
инвалида
об ивах
и о чьих-то милых

Поэт безмолвен
Дождь

К Марку Аврелию

Профессору Хейрику Эльзенбергу⁴

Марк доброй ночи свет гаси
книгу закрой Над головою
звезд яркий клич звучит в ночи
то речью говорит чужою
небо то варваров сигнал
кого нет в твоей латыни
то темный страх как темный вал
о хрупкие брега людские

бьет Он всеилен Слышишь гул
прилива Смоет твои буквы
стихий неударжимый бунт
и рухнет мира остов хрупкий
что ж нам – дрожать ли на ветру
и снова дуть в погасший пепел
грызть пальцы тщетных слов ища
тащить с собою павших тени

уж лучше Марк покой пошли
руку подай над мраком косным
в углую лиру чувств пяти
слепой бьет неустанно космос
предаст нас космос астрономия
порядок звезд и мудрость трав
твое величие огромное
и мой о Марк бессильный плач

---

⁴ Это стихотворение Херберт послал Эльзенбергу в письме от 16.12.1951. Профессора Эльзенберга (1887–1967), преподававшего после войны в университете в Торуне, Херберт избрал своим наставником в философии. Марку Аврелию была посвящена докторская диссертация Эльзенберга (1921) и книга «Марк Аврелий. Из истории и психологии этики», вышедшая в 1922, экземпляр этой книги сохранился в библиотеке Херберта с его пометками.

Варшавское кладбище

Этой стены
последнего что они видели
нет

известь на дома и гробы
известь на память

последнее эхо залпа
затвердело в каменные плиты
краткая надпись
выбита спокойной антиквой

перед нашествием живых
умершие уходят глубже
ниже
ночам жалуются в гулких трубах
выходят осторожно
капля по капле

и вспыхивают еще раз
чуть только чиркнет спичка

а снаружи тихо спокойно
камни известь на память
на углу аллеи живых
и улицы новый свет
под надменно стучащими каблуками
взбухает как кротовина
кладбище тех которые просят
холмика мягкой земли
хоть какого-то знака снаружи

Завещание

Завещаю четырем стихиям⁵
то что имел в недолгом владенье

мысль отдаю огню
пускай цветет огонь

---

⁵ По-видимому, это стихотворение было толчком для стихотворения Ярослава Ивашкевича, посвященного Херберту: «Четыре стихии владеют миром...» (книга «Завтра жатва», 1963, русский перевод Н. Астафьевой см.: *Ивашкевич Я.* Сочинения. Т. 1. М., 1988. С. 309).

земле которую любил чрезмерно —
бесплодное зерно моего тела

а воздуху слова и руки и стремленья
то есть лишние вещи

капля воды
то что осталось
пусть кружит между
землей небом

пусть будет дождиком прозрачным
снежинкой папоротником мороза
пускай не достигая неба
к долине слез моей земле

верность храня росой вернется
камень долбить капля за каплей

скоро верну четверем стихиям
то что имел в недолгом владенье

не возвращусь к источнику покоя

Фрагмент древнегреческой вазы

На первом плане видно
статное тело эфеба

упирающийся в грудь подбородок
подогнутое колено
рука как мертвая ветка

он закрыл глаза
отрекается даже от Эос

ее пальцы вбитые в воздух
и распущенные волосы а также
линии ее одеянья
образуют три круга скорби

он закрыл глаза
отрекается от медных доспехов

от шлема который украшен
кровью и черным плюмажем

от сломанного щита
от копья

он закрыл глаза
отрекается от всего света

в тихом воздухе свисают листья
дрожит ветвь тронутая тенью улетающих птиц
и только сверчок укрытый
в живых еще волосах Мемнона⁶
убедительно возглашает
хвалу жизни

Колеблющаяся Нике

Нике прекраснее всего в тот момент
когда колеблется
правая рука прекрасная как приказ
оперлась о воздух
но крылья дрожат

потому что Нике видит
одинокую юношу
бредущего длинной колеёй
военной дороги
в серой пыли среди серого пейзажа
скал и редких кустов можжевельника

этот юноша вскоре погибнет
чаша весов на которой лежит его жребий
резко качнулась вниз
к земле

Нике страшно хотелось бы
подойти
и поцеловать его в лоб

но она боится
что юноша не успевший познать
сладость ласки
познавши ее
может быть побежит как другие
во время битвы

---

⁶ Мемнон – сын Эос, богини зари, погиб молодым под Троей от руки Ахиллеса; по преданию, спутники Мемнона после его смерти обратились в птиц. В римские времена с именем Мемнона стали связывать две статуи в Египте (колоссы Мемнона), которые на рассвете звучали: это сын приветствовал появляющуюся на небе Эос.

Нике поэтому колеблется
и решает в конце концов
остаться в позе
которой ее научили скульпторы
Нике стыдится минутного колебанья

ведь она понимает
что завтра на рассвете
должен лежать этот мальчик
с отверстой грудью
закрытыми глазами
и терпким оболком отчизны
под коченеющим языком

Арион

Вот он – Арион —
эллинский Карузо
концертмейстер античного мира
драгоценный как ожерелье
или скорее как созвездье
он поет
морским волнам и купцам заморским
тиранам и погонщикам мулов
у тиранов чернеют короны
а продавцы лепешек с луком
впервые ошибаются в счете не в свою пользу

о чем поет Арион
подлинно никому неизвестно
главное он возвращает миру гармонию
море баюкает ласково землю

огонь разговаривает с водой без злобы
лежат под сенью одного гекзаметра
волк и олень ястреб и голубь
а ребенок дремлет на гриве льва
как в колыбели
гляньте как улыбаются звери
люди готовы питаться белыми цветами
и все так славно
как было в начале

это он – Арион
драгоценный и многопевный
слушателям головы кружащий
он стоит в метели песнопений
у него восемь пальцев как октава
он поет

Лишь когда из лазури на западе
тянутся шафрановые нити
что означает приближенье ночи
Арион учтиво кивнув головою
прощается
с погонщиками мулов и тиранами
лавочниками и философами
и в порту садится
на спину прирученного дельфина

— до свиданья —

как же он прекрасен —
говорят девушки об Арионе
когда он плывет в открытое море
одинокий
увенчанный венком горизонтов

Из книги «Гермес, пес и звезда» (1957)

У врат долины⁷

После огненного ливня
на луговине пепла
под стражей ангелов столпились толпы

с уцелевшего взгорья
мы можем окинуть взором
блеющее стадо двуногих

правду сказать их немного
добавляя даже тех что придут позже
из житий святых из хроник сказок

но довольно этих рассуждений
перед нами
горло долины
из которого рвется крик

после свиста взрыва
после свиста тишины по взрыве
этот голос бьет как источник живой воды

это как нам объясняют
крик матерей от которых оторваны дети
ибо как оказалось
спасены мы будем поодиночке

ангелы-хранители беспощадны
надо признать у них тяжелая работа

она его просит
– спрячь меня в зенице ока
в ладони в объятьях
мы всегда были вместе
ты не можешь теперь меня оставить
когда я умерла и нуждаюсь в нежности

старший ангел

---

⁷ Современность XX века переплетается в стихотворении с образом «долины Иосафата» из книги пророка Иоилиа; так перевели на греческий, латынь, славянские и др. языки древнееврейское выражение, означавшее «долину, где судит Иегова». Место суда неизвестно, как и время его наступления.

с улыбкой разъясняет недоразуменье

старушка тащит
трупик любимого кенаря
(все животные умерли чуть раньше)
он был такой милый – рассказывает она со слезами
все понимал
что скажешь
голос ее заглушается общим воплем

даже лесоруб
о котором трудно подумать такое
старый сгорбленный мужичище
прижимает к груди топор
– он всю жизнь был мой
и теперь тоже будет мой
он кормил меня там
прокормит тут
не имеете права – говорит он —
не отдам

те которые как кажется внешне
без боли подчинились приказам
идут опустивши головы в знак примиренья
но в стиснутых кулаках прячут
ленты пряди волос обрывки писем
и фотографии
которые как думают наивно
отобраны у них не будут
так они выглядят
за мгновенье
до того как окончательно их поделят
на тех кто скрежещет зубами
и тех кто поет псалмы

Притча

Поэт подражает пению птицы
вытягивает длинную шею
неуклюжий кадык
торчит как палец на крыле мелодии

поющий он искренне верит
что помогает солнцу взойти
отсюда и теплота звучания
и чистота высоких тонов

поэт подражает спящему камню
спрятавший голову в плечи
он подобен обломку скульптуры
у которой редкий и слабый пульс

спящий он уверен что только он
углубляет тайну существования
что он без помощи теологов
ухватит жаждущими устами вечность

во что превратился бы мир
если бы не наполнял его
поэт копошащийся неустанно
среди птиц и камней

Колотушка

У иных в голове
сады расцветают
а волосы их тропинки
к солнечным городам

этим легко писать
глаза закроют
и образы потекут
лавиной

воображение мое
кусок доски
весь инструмент мой
простая палка

ударю в доску
она мне ответит

Да-да
нет – нет

у иных зеленый колокол дерева
голубоватый колокол воды
у меня колотушка
хоть я и не сторожу сады

ударю в доску
она мне подскажет
сухую песнь моралиста
да-да

нет – нет

Избранники звезд

Это не ангел
это поэт

нет у него крыльев
лишь правая рука
оперенная

он бьет ею в воздухе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.